
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XXI

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 70-летию выдающегося отечественного монголоведа
Татьяны Дмитриевны Скрынниковой

Санкт-Петербург
2018

Р. Ю. Почекаев

Суд над Фатимой-хатун (1246): обвинение, следствие, приговор и наказание (к истории судебного процесса в Монгольской империи)

DOI 10.25882/1dix-rt03

В статье на примере суда над Фатимой-хатун — фавориткой ханши Туракины анализируются элементы судебного процесса Монгольской империи первой половины XIII в. Обвинение в колдовстве и посягательстве на жизнь члена ханского семейства обусловило судебное разбирательство на самом высоком уровне, с участием самого хана Гуюка. Автор анализирует сообщения источников о суде над Фатимой, привлекая дополнительные материалы об организации суда и процесса в Монгольской империи, об отношении монголов к колдовству и о наказании обвиняемых в таком преступлении и приходит к выводу, что рассмотренный случай представляет собой ценное дополнение к имеющимся в науке представлениям об организации судебной власти в империи Чингис-хана и его ближайших преемников, отражая специфику судебного процесса по таким делам, как колдовство против членов ханского рода.

Ключевые слова: Монгольская империя, суд и процесс, обвинение в колдовстве, Гуюк, Туракина, Фатима.

Организация суда и процесса в Монгольской империи относится к числу, пожалуй, наименее освещенных аспектов истории этого государства. Отдельные вопросы формирования и функционирования судебной власти в империи Чингис-хана и его преемников нашли отражение в обзорных работах по истории Монгольской империи, ее государства и права (см. подробнее: [Дугарова, 2016. С. 100—102, 153]). Специальных же работ, посвященных этому вопросу, имеется очень ограниченное количество. Наиболее систематизированно организация суда в Монгольской империи представлена в статье Т. Д. Скрынниковой ([Скрынникова, 2002]; см. также: [Крадин, Скрынникова, 2006. С. 394—415]; ср.: [Hodous, 2012/2013]). Однако, имея возможность сформировать некоторое представление о судебных прерогативах различных носителей власти в Монгольской империи, исследователи практически лишены возможности сделать то же самое касательно процессуальных отношений, поскольку дошедшие до нас источники права Монгольской империи не содержат необходимой информации.

В связи с этим необходимо обращаться к сведениям летописных источников, в которых описывается судебная деятельность монгольских ханов и их уполномоченных представителей-судей в виде конкретных примеров-казусов. В настоящей статье предпринимается попытка извлечь сведения о процессуальных отношениях в Монгольской империи на примере суда над Фатимой-хатун в 1246 г.

Фатима, по происхождению таджичка или персиянка родом из Мешхеда, попала в плен к монголам после захвата этого города. Оказавшись в столице Монгольской империи Каракоруме, она стала зарабатывать на жизнь, по одним сведениям, сводничеством, по другим — даже проституцией ([Juvaini, 1997. P. 244—245]; см. также: [Баабар, 2010. С. 44; Мэн, 2008. С. 40]). Об обстоятельствах, при которых она попала ко двору Туракины, супруги хана Угэдэя и регентши Монгольской империи после его смерти (1241—1246), источники не сообщают, отмечая лишь, что она пользовалась большим влиянием на ханшу. Ата-Малик Джувейни намекает на то, что ей были известны «глубокие тайны и секреты», этим и объясняя ее влияние при дворе [Juvaini, 1997. P. 245]. Согласно сообщениям имперских хроник, именно благодаря Фатиме Туракина начала репрессии против видных сановников своего супруга — в частности, против ханского секретаря Чинкая и хорезмийского наместника Махмуда Ялавача, их место заняли близкие к Фатиме лица — купец Абд ар-Рахман и другие [Juvaini, 1997. P. 243; Рашид ад-Дин, 1960. С. 115]. Формальный статус Фатимы, впрочем, был достаточно неопределенным, и совершенно нет оснований считать ее «главным везиром» Туракины, как это делает, в частности, турецкая исследовательница Б. Учок [Учок, 1982. С. 11].

Провозглашение новым ханом Монгольской империи Гуюка, сына Угэдэя и Туракины, изменило расстановку политических сил, и влияние как самой

регентши, так и ее приближенных оказалось существенно подорванным. И одним из первых же деяний нового монарха стал арест Фатимы, который он произвел несмотря на протесты своей матери, до последнего пытавшейся спасти свою фаворитку. Последовавшая же вскоре смерть ханши Туракины окончательно сделала Фатиму-хатун беззащитной перед ее врагами.

Сюжет с судом над Фатимой был детально изучен в недавно вышедшей статье болгарского исследователя К. Голева [Golev, 2017], который, подробно проанализировав сведения источников, пришел к вполне обоснованному выводу о том, что этот суд являлся, в первую очередь, «политическим процессом», актом расправы нового монарха с кланом его противников при дворе. Собственно, это и обусловило изучение автором статьи суда именно как политического события. Нас же интересуют прежде всего сведения процессуального характера, изучение которых не входило в задачу болгарского исследователя. Соответственно, ниже мы проанализируем сведения источников, касающиеся различных стадий «дела» Фатимы-хатун, попытавшись выявить элементы судебного процесса в Монгольской империи — типичные для большинства дел и особенные, нашедшие отражение именно в рамках данного разбирательства.

Основанием для привлечения Фатимы к суду стало обвинение в колдовстве, выдвинутое неким Шири, которого Джувейни называет виночерпием Кадака — сановника (атабека) Гуюка, а Рашид ад-Дин — «пьяницей и негодяем» [Juvaini, 1997. P. 245; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]¹.

Обвинение в колдовстве было достаточно серьезным уже само по себе. Так, Вильгельм де Рубрук, побывавший в Монгольской империи в 1253 г., отмечал, что монголы «умерщвляют колдуний... так как считают подобных женщин за отравительниц» [Рубрук, 1997. С. 101]. В уложении династии Юань «Юань дянь-чжан» (1323) имеется ссылка на Ясу, в соответствии с которой «изведение людей с помощью колдовства» также карается смертной казнью ([Попов, 1906. С. 0152]; см. также: [Березин, 1863. С. 29]). К. Голев при этом отмечает, что речь идет о случаях, когда колдовскими и магическими практиками занимались частные лица, а не специальные служители культа — шаманы и пр. [Golev, 2017. P. 133]. В связи с этим можно предположить, что запрет колдовства мог иметь весьма давние истоки — еще в тех временах, когда древние шаманы и жрецы старались монополизировать эту сферу, мотивируя это тем, что прочие неспособны «правильно общаться» с высшими силами и своими действиями могут

навлечь беду на остальных [Гринин, 2007. С. 147, 150].

Однако в случае с Фатимой речь шла не просто о посягательстве «непосвященной» на сферу, к которой принадлежали исключительно служители культа: она была обвинена в посягательстве на Годана — брата самого хана Гуюка. Первоначально это обвинение выдвинул вышеупомянутый Шири, а вскоре пришло послание от самого Годана, в котором тот сообщал, что ему хуже и он винит в своем состоянии именно Фатиму. Вскоре же пришло сообщение о смерти Годана.

Известно, что брат Гуюка, имевший улус в Северном Китае на границе с Тибетом (современная провинция Гансу), страдал некоей кожной болезнью [История, 1999. С. 149], которая в свое время послужила основанием для избрания новым ханом не его, а Гуюка (Juvaini, 1997. P. 251); см. также: [Pochekarev, 2018. P. 9]). Эта болезнь не привела к его смерти, поскольку последние упоминания о Годане в источниках относятся к 1251—1253 гг. Однако письмо, в котором сообщалось о его смерти, стало весьма веским доказательством в дополнение к показаниям Ширы, и вновь вошедший в силу уйгур Чинкай настойчиво предъявлял его с целью привлечения Фатимы к ответственности. Неудивительно, что хан Гуюк поспешил арестовать фаворитку своей матери.

Однако основные следственные действия начались лишь после смерти Туракины, когда уже никто не мог вступить за Фатиму. Согласно сообщению Джувейни, следствие и суд осуществлял сам Гуюк, что вполне отвечало принципам организации суда в Монгольской империи [Скрынникова, 2002. С. 169—171], при этом отражая и особую важность данного дела — посягательство на жизнь видного члена «Золотого рода», ханского брата.

Имея свидетельские показания Ширы и как послание самого Годана, так и сообщение о его смерти, представители власти старались тем не менее добиться признания самой Фатимы. Согласно Рашид ад-Дину, она была подвергнута битью палками и пыткам [Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]. Джувейни сообщает о монгольских «методах следствия» более подробно: согласно его сообщению, она была обнаженной закована в цепи и в течение долгого времени оставалась без еды и питья, постоянно подвергаясь «насилию, жестокостям и запугиваниям» [Juvaini, 1997. P. 245—246]. Неудивительно, что после всего этого она готова была признаться в любых преступлениях, в каких бы ее ни обвинили, что и произошло.

Как бы то ни было, признание было получено, и это позволило официально приговорить Фатиму-хатун к смертной казни. Саму казнь Джувейни и Рашид ад-Дин описывают примерно одинаково: «зашили верхние и нижние отверстия ее [тела] и, завернув в кошму, бросили в воду» [Juvaini, 1997. P. 246; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]. Обвинение в колдовстве и посягательстве на члена ханского семейства дало властям повод подвергнуть репрессиям родственников и сподвижников Фатимы: многие из них по-

¹ У Джувейни Шири также назван Алидом, т. е. потомком халифа Али, Рашид ад-Дин же называет его всего лишь «последователем Али», т. е. шиитом, что в глазах правоверных суннитов должно было стать дополнительным штрихом к негативной характеристике этого человека [Juvaini, 1997. P. 245; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117].

гибли, другие же подверглись менее тяжким наказаниям, при этом достаточным основанием для привлечения к ответственности являлось то, что тот или иной приговоренный «пришел от Гробницы» (т. е. из города Мешхеда, где располагалась почитаемая мусульманами гробница святого Али Ризы) [Juvaini, 1997. P. 244, 246].

Любопытно отметить, что суд над Фатимой стал своего рода прецедентом для решения подобных дел и в дальнейшем. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают, что вскоре после смерти Гуук-хана (1248) сам Шира был обвинен в колдовстве против ханского сына Ходжи-огула, «и его точно так же бросили в воду, а его жен и детей предали мечу» ([Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]; см. также: [Juvaini, 1997. P. 246]). В свою очередь, обвинитель Ширы, некий Али Ходжа, в начале правления хана Мунке (1251—1259) также был обвинен в колдовстве, правду, казнили его несколько иным способом: «Менгу-каан приказал бить его слева и справа, пока все тело не оказалось искрошено на мелкие куски», впрочем, «его жены и дети впали в унижение рабства» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 117].

Итак, какие же выводы позволяет сделать нам анализ «дела» Фатимы-хатун?

Во-первых, на конкретном примере подтверждаются сообщения других источников о том, что колдовство в Монгольской империи преследовалось в уголовном порядке. Наказанием за такое преступление являлась смертная казнь. Если же колдовство было обращено против представителей ханского рода, то казнь приобретала квалифицированный характер, т. е. была особенно жестокой — в нашем случае утопление с предварительными мучениями («зашивание верхних и нижних отверстий»). Кроме того, помимо самого приговоренного, ответственность несли также члены его семьи и другие представители

его окружения — либо как сообщники, либо как не сумевшие «отговорить» преступника от его деяния и, соответственно, либо также приговаривавшиеся к смертной казни, либо несшие иные наказания. Подобный принцип, именуемый в юридической науке «объективным вменением», был характерен для права многих стран Востока, в первую очередь — для традиционного китайского права [Кычанов, 1986. С. 85—86], несомненно, оказавшего влияние на правовую идеологию Монгольской империи.

Во-вторых, значимость преступления была обусловлена тем, что судил покушавшегося на члена ханского рода сам хан.

В-третьих, при расследовании преступлений использовались различные виды доказательств — устные показания, письменные документы (в нашем случае — послания), а также признание самого преступника. Для получения последнего применялись весьма жестокие процессуальные действия — постоянное пребывание в цепях, запугивание, унижения, пытки, в т. ч. битье палками и пр. Любопытно отметить, что в традиционном монгольском праве и процессе (в т. ч. и в более поздний период, вплоть до начала XX в.) пытки в качестве средства получения доказательств не имели широкого распространения и, по всей видимости, также были заимствованы из китайской процессуальной практики (см., например: [Бурдуков, 1969. С. 58]).

Таким образом, можно констатировать, что сведения о суде над Фатимой-хатун представляют значительный интерес и ценность с точки зрения изучения суда и процесса в Монгольской империи и, в сочетании с результатами анализа аналогичных казусов, могут позволить выявить и реконструировать систему уголовного процесса в империи Чингис-хана и государствах его преемников, причем с учетом специфики отдельных категорий судебных дел.

Использованная литература

- Баабар, 2010: *Баабар*. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное изд-во, 2010 (*Baabar. Istoriya Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo*, 2010).
- Березин, 1863: *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863 (*Berezin I. N. Ocherk vnutrennego ustrojstva ulusa Dzhuchieva. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk*, 1863).
- Бурдуков, 1969: *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969 (*Burdukov A. V. V staroj i novoj Mongolii. Vospominaniya. Pisma. M.: Nauka*, 1969).
- Гринин, 2007: *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: URSS, 2007 (*Grinin L. E. Gosudarstvo i istoricheskij protsess. Epokha formirovaniya gosudarstva. Obshhij kontekst sotsial'noj evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva. M.: URSS*, 2007).
- Дугарова, 2016: *Дугарова С. Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016 (*Dugarova S. Zh. Istoriografiya mongol'skogo gosudarstva i prava (XIII—nachalo XIX v.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta*, 2016).
- История, 1999: История Эрдэни-дзу / Пер., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 1999 (*Istoriya Erdeni-dzu / Per., vved., komment. i pril. A. D. Cendinoj. M.: Vost. lit.*, 1999).
- Крадин, Скрынникова, 2006: *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006 (*Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Imperiya Chingis-khana. M.: Vost. lit.*, 2006).
- Кычанов, 1986: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986 (*Kychanov E. I. Osnovy srednevekovogo kitajskogo prava. M.: Nauka*, 1986).
- Мэн, 2008: *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанату до сверхдержавы / пер. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008 (*Man D. Khubilaj: Ot Ksanadu do sverkhderzhavy / Per.. V. Fedorova. M.: AST; Vladimir: VKT*, 2008).

- Попов, 1906: *Попов П. С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907. С. 0150—0164 (*Popov P. S.* Yasa Chingis-khana i ulozhenie mongol'skoj dinastii Yuan' chao-dyan'-chzhan // *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshhestva*. Т. XVII. 1906. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1907. S. 0150—0164).
- Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (*Rashid ad-Din*. *Sbornik letopisej*. Т. II / Per. s pers. YU. P. Verkhovskogo, primech. YU. P. Verkhovskogo i B. I. Pankratova, red. I. P. Petrushevskij. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960).
- Рубрук, 1997: *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / пер. А. И. Маленина, вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86—189 (*Gil'om de Rubruk*. *Puteshestvie v vostochnye strany* / Per. A. I. Maleina, vstup. st., komment. M. B. Gornunga // *Puteshestviya v vostochnye strany*. М.: Mysl', 1997. S. 86—189).
- Скрынникова, 2002: *Скрынникова Т. Д.* Судопроизводство в Монгольской империи // *Altaica*. VII. М.: ИВ РАН, 2002. С. 163—174 (*Skrynnikova T. D.* *Sudoproizvodstvo v Mongol'skoj imperii* // *Altaica*. VII. М.: IV RAN, 2002. S. 163—174).
- Учок, 1982: *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М.: Наука, 1982 (*Uchok B.* *Zhen-shhiny-pravitel'nitsy v musul'manskikh gosudarstvakh*. М.: Nauka, 1982).
- Golev, 2017: *Golev K.* Witchcraft and Politics in the Court of the Great Khan: Interregnum Crises and Inter-factional Struggles among the Mongol Imperial Elite. The Case of Fāṭima Khatun // *Annual of Medieval Studies at Central European University*. 2017. Vol. 23. P. 132—144.
- Hodous, 2012/2013: *Hodous F.* The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. 2012/2013. Vol. 56. P. 87—102
- Juvaini, 1997: *Juvaini Ata-Malik*. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Pochekaev, 2018: *Pochekaev R. Yu.* «King» Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 1. С. 6—17.

R. Yu. Pochekaev
Trial on Fatima Khatun (1246):
accusation, investigation, sentence and punishment
(on history of legal procedure in the Mongol Empire)

The article is an analysis of elements of legal procedure in the Mongol Empire of the first half of the 13th c. by the example of trial on Fatima Khatun — favorite of Turakina, regent of the empire. Accusation in witchcraft and encroachment on the member of the ruling family caused court examination of the high level, with participation of Guyuk Khan himself. Author analyses information of sources on trial on Fatima as well as additional materials on court and legal procedure in the Mongol Empire, attitude of Mongols towards the witchcraft and punishment of sorcerers. He finds that examined case is a valuable addition to our idea on organization of justice in the empire of Chinggis Khan and his nearest successors and at the same time reflects specific features of legal procedure on such cases as witchcraft against members of khan's family.

Key words: Mongol Empire, court and justice, accusation in witchcraft, Guyuk, Turakina, Fatima.